В КРИКИ

За окошком весело — снег в сугробах тает,
и шальная муха в комнате летает.
Март стоит на улице, кончился февраль.
Ничего не нужно, никого не жаль.

Жаль немножко памяти стёртые листы,
как слова, пропавшие из-за немоты.
Где-то там остался этот, как его...
Ничего не нужно, ровно ничего.

Куклу мама шила, вспомнилось вчера, —
целый год была мне кукла, как сестра.
И отец по редким звонким выходным
пах одеколоном праздничным, родным.

Лет мне было десять, кажется, тогда.
В городе кричали криком поезда.
Папу в эти крики увезли зимой
форменные люди. Год тридцать восьмой.

Остальное стёрлось. Мутное стекло.
Память истрепалось, время истекло...
Нужно подниматься, к ужину зовут.
В нашей богадельне строгость и уют.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Не чуя под собой меня, жила страна.
Я ей был похрен, мне она обрыдла.
Такой сюжет казался очевидным:
любовь наша была обречена
уже тогда, в двухтысячном году,
в миллениум, весной. Ручьи бежали,
и пустота ложилась на скрижали
с тревожностью невнятной наряду.
Ещё мы были счастливы вдвоём,
ещё подмётки не пооторвались.
Ещё актёр хороший Пускепалис
на сдался в МХАТ к Прилепину внаём.
Казалось, с астмой люди же живут
обычною частицею народа.
А если не хватает кислорода,
то это неизбежный атрибут
удушья временного времени. Пройдёт.
Царь Соломон нам твёрдо обещал
своим кольцом - пусть даже пуст причал.
А кто не верит - жалкий идиот. И вот.
Мы разошлись, как в море тот минтай
расходится с акулой. Пей до дна.

Не чуя под собой меня, жила страна.
Волчок косился глазом. Баю-бай.

ЗДОРОВО, СТАЛИН (ПЕСЕНКА №4)
Здорово, Сталин! Как дела, чувак?
Сам вижу, что неплохо. Молодец.
Да нет, я за пивком в универмаг —
башка с утра такая, что пиздец.

У нас теперь не то что как тогда,
но это, брат, отдельный разговор.
Уже взошла вечерняя звезда.
Ты как всегда, "герцеговину флор"?

Дай присмолить. Ну что сказать тебе?
Теперь не курят, ёб их в деньги мать.
Да и не пьют. Вся жизнь у них в борьбе
с привычками дурными. Сука-блядь,

они допрыгаются, веришь, до бунтов.
Ещё коррупция. А, ты не в курсе же.
Воруют, падлы, слушай, будь здоров —
чекисты жёнам дарят Фаберже,

ну, яйца там и прочую хуйню
за миллионы долларов. Вот так.
И их не единицы, уточню.
Какой-то, блядь, законченный бардак.

Лаврентия никто не уберёг:
всем похуй на суды и на тюрьму.
Никите написали некролог,
с которым путь прямой на Колыму...

А помнишь, Коба, год тридцать седьмой,
и тройки, и ОСО, и Соловки.
Как в Бутово снежок кружил зимой,
как тявкали овчарковы щенки.

Эх, было дело, жили как в раю,
врагов народа ставили к ногтю:
евреев - на расстрельную скамью,
офицерьё - ногами в полынью.

Я никогда не думал про итог,
а вот теперь задумался чуток:
Залить жидам бы в глотку кипяток,
пустить хохлам бы в пах электроток...

Ну ладно, очень рад был повидать.
Держи, Иосиф, краба, не хворай.
Весной у нас тут стало холодать.
Счастливо. Погуляй — и снова в рай.

ТАМ ЖИЛИ МЫ

Там жило лето. Порох тополей
сжигался что тебе Джордано Бруно.
И мир вокруг был искренним и юным,
и возраст обходился без нолей.

Там жили гаражи своей судьбой,
отличной от вместилища моторов.
На крышах их вступали мушкетёры
с гвардейцами в неравный смертный бой.

Гвардейцев били. Иногда всерьёз.
Я сам гвардейцем был неоднократно
и в мушкетёры поступал обратно
ценою горьких натуральных слёз.

Там жил Барон, который был щенком
два месяца и стал потом собакой.
Мы с ним ходили трижды в контратаку:
фашистам, правда, он вилял хвостом.

Там девочка жила в другом дворе.
Красивая, в коротком синем платье.
Рискнули среди нас лишь Львовы-братья
с ней познакомиться в конечном сентябре.

Они кивали ей, когда мы шли гурьбой
на клёны влезть, как на доску почёта.
И только горсть десантных вертолётов
планировала в бантик голубой.

Там жили мы. Потом пришли нули,
и юбилей пошёл за юбилеем.
Росли, взрослели и теперь стареем.
И клёны наклонились до земли.

***

А у каждого свой срок:
время быть и время таять.
Завершается урок,
перемена наступает.

Перемена бытия,
перемена состоянья.

Счёт один-один, ничья,
между встречей и прощаньем.

Подготовлен аттестат —
средний балл, понятно, средний,
как нормальный результат
меж вечерней и обедней.

И — к последнему звонку,
приукрасившись немного,
хлопнув рюмку коньяку
на финальную дорогу.

ПАРНИШЕЧКА (ПЕСЕНКА №5)

Как на площади стольна города
собиралась из хипстеров рать.
На ветру колыхалися бороды
и трибунам неслась исполать.

Но на мирное, на собрание
опустилася с неба гроза:
прекратить сбор, хулу и орание
приказала режима кирза.

Заскучнели тут добры граждане,
потянулися к рамкам назад.
И в сердцах почитай что у каждого
воцарились кручина и ад.

Вдруг парнишечка лет семнадцати
над толпою плакат распахнул,
под локальные, под овации
смело песню Шнура затянул.

Налетели враз чёрны коршуны,
свист дубинок призвал к тишине.
И в кармане наркотик подброшенный
у себя всяк предвидел вполне...

А уже в кабинете полковника
из Росгвардии главных чинов
лампы свет по глазам бил виновнику
возбуждения дерзких умов.

— Как зовут? — Николай. — А фамилия?
— А фамилию вам не скажу,
если вы не читали Вергилия
и вообще не бывали в Анжу.

Усмехнулся полковник, прищурился,
и ударил мальчишечку в глаз:
"Ты, сынок, в этот раз обмишурился:
либерал, демократ, педераст.

Зря напомнил про виллу анжуйскую -
у меня там садовник запил.
А вот сборища ваши буржуйские
очень правильно вождь запретил.

Ну, довольно". Кивнул лейтенантику
и Шопена погромче включил.
Лейтенантик своим аксельбантиком
шею хипстеру крепко сдавил...

На рассвете из пытошной вывели
мальчугана уже без ногтей.
Рюкзачок обезлямченный выдали
и сказали: "Ступай, иудей".

До угла дошёл молодой герой.
Где-то выла тоскливая выпь.
И упав ничком, он земле сырой
прошептал тихо: "В Питере - пить".

УПАКОВАННОЕ ВРЕМЯ

Выпить водки на перроне, на прощание,
закурить по сигарете на дорожку...
Ах, какие раньше были расставания —
потихоньку, полегоньку, понемножку.

Даже если чересчур, то с пониманием
относилась проводница к процедуре:
"Вы, товарищ, прекращайте пререкания.
Вам, товарищ, подучиться бы культуре.

Поднимайтесь быстро в тамбур - отправление
нам дают уже. Прощайтесь и поехали".
Уезжало в неизвестность поколение,
как в считалке: за грибами и орехами.

И орехов нам отсыпали до краешка,
и грибы пошли опять сплошь ядовитые.
И свобода расставания — в сараюшке:
неумытая, побитая, забытая.

На перронах отчуждение стерильности,
полицейские с овчарками суровые,
как приметы утомительной стабильности.

И тоскливые гудки шлют маневровые.

Пассажиры все трезвы до неприличия,
провожающие строгие, солидные.
И вокзалы уникально обезличены,
и прощания какие-то гибридные.

Сигаретный дым с загона для курильщиков
донесёт вдруг до вагона запах прошлого.
На восток везут груз памяти носильщики:
упакованное время суматошное.

ГРЕТА
Белая бумага,
чёрное стекло.
Выпитая фляга -
пусто и тепло.
Странная планета,
бляди да дожди.
Здравствуй, детка Грета -
радости не жди.
Завтра будет праздник,
демонстрация.
Главный коммунальник -
пьяная свинья -
всем желает блага
с шашкой наголо.
Белая бумага,
чёрное стекло.
И осколки кратки,
словно выстрел в ночь.
У аристократки
плачет в дождик дочь.
У аристократки
витражами зло.
Белая бумага,
чёрное стекло.
Кислород пропавший,
бляди да дожди...
Ипотеку взявши,
воздуха не жди.

В ГОЛОС
Провались оно пропадом
и скачи всё конём.
Можно долго жить шёпотом
под удавкой-ремнём.
Можно спорить молчанием,
тихо век куковать
до предела отчаянья,

что срывает печать
с кляпа, в глотку забитого
неизвестно когда.
И слова позабытые
вдруг рванут изо рта
с хрипом, стоном, усилием
непривычным для губ,
карнавальной Бразилией,
островом Итуруп —
в общем, чем-то непознанным,
непонятным на вкус,
страшно и неосознанно
голос втянет в искус
обретенья вновь речения,
звука твёрдого "эр".
К радости и огорчению
вспомнишь "иже" и "хер".
Неофит разговорности
не способен молчать,
если можно с задорностью
и бурчать, и кричать.
Правдой громко стучать в тамтам,
дерзости говорить...
До тех пор, пока кто-там
не нажмёт на "delete".

ПЕРВЫЕ УЧЕНИКИ

Поколениям некст и постнекст, и так далее, далее, далее
будет сложен контекст существа бытования здесь:
в этом воздухе, в этих унылых реалиях.
Что ж, мы были. Пока ещё, собственно, есть.

Спорить трудно, мы крали у вас пайку времени
и чуть-чуть перспектив, и слегка тормозили прогресс.
Груз духовности нас нагружал сладким бременем,
скрепоносностью мы торговали вразвес.

Мы крепчали, пока нас того-с, муштровали юнармию,
протестантов судили и иеговистов на раз.
Мы могли запретить хоть Толстого, хоть сказки про Нарнию
и бомбили Воронеж, когда запрещали Донбасс.

Время было такое уж, гм, патриотское.
Не судите нас строго — вы не жили в этом дерьме,
где законы штампуются все как один идиотские,
где весны ждать не стоит — готовиться только к зиме.

Нас учили житью не родители, а телевизоры,
и по ним мы писали проверочный громкий диктант.
Уж простите. Деды воевали по вызову.

И в шкафу под скелетом хранится георгиевский бант.

ПЛАН

По привычке кончается год,
по привычке закуплены свечи
и коньяк, и болгарское лече,
шпроты, мясо, что на антрекот.

По привычному ходу вещей
ближе к празднику строятся планы:
уничтожить в себе графомана,
больше кушать сырых овощей,

быть воздержанней в резких речах,
матом не разговаривать в среду,
одержать небольшую победу
над собой в разных там мелочах,

помириться со старым дружком,
поменять телевизор на даче,
стать добрее, мудрее, богаче
и пешком на работу, пешком!

Поумерить себя в литраже
алкоголя в конкретное тело,
больше спать... Свёрстан план до предела.
Только тромб шевельнулся уже.

МОНОЛОГ ВЕТЕРАНА

То ли в Пензе, а может в Тамбове —
память молью, прости уж, бита —
как-то вдруг, неожиданно, внове
появилась профессия та.

Раньше судьи вершили законы
(в словаре сыщешь эти слова)
и, бывало, чинили препоны
правосудию торжества.

И злодей избегал наказания.
Что, не веришь? С моё поживи.
Вот тогда и пришло указание
перемены осуществить.

Да и то. Чтоб за деньги народа
отпускать из тюрьмы сволочей?..
В общем, по указанью Синода

учредили судей-палачей.

Или это Сенат был? Неважно.
Важно чёрное чёрным назвать,
а не серым, коричнево-влажным
или в крапинку, еть его мать.

Ну и жизнь потихоньку сложилась —
стала краше, богаче, ловчей.
И названия суть обнажилась:
нету больше судей-палачей.

Лет уж двадцать словосочетание
отмерло — вот же время-то мчит.
Жизнь проставила вычитание:
судей нет, есть одни палачи.

На последнем партийном на съезде
Главпалач обещал нам покой...
Что? А, это курил я в подъезде.
Был наказан. И хрен с ней, рукой.

СОБАКА
Шла собака по перрону.
Пассажирам было похуй,
но собака не алкала
пассажирова участья.
Псина внутренне смирилась,
что двуногие верзилы
пахнут водкой и олдспайсом,
но ни в чем не виноваты,
потому что так их создал
тот, который создал кошек
и сосиски, и булыжник,
и нюанс струи бобровой.
(Псина числилась в курцхаарах,
если рыться в родословной,
если бы она хранилась
где-то в тумбочке дубовой
у прабабушки-хозяйки
кобеля по кличке Ульрих,
привезённого случайно
из Германии в тридцатом.
Но уж хуй там, не сложилось).
Воздух пах меж тем не зверем,
а привычным креазотом,
лишь немного разбавляясь
сырным запахом никчёмным...
Так собака добежала
до последнего вагона

и, вильнув хвостом, нырнула
в подвагонное пространство,
чтобы скрыться в неизвестность
привокзального посёлка,
отделённого путями
от огней большой столицы
транссибирской магистрали.
Псина бодро убегала,
завернув направо ноги
задние (не специально,
а всего лишь по привычке),
чтобы ныркнуть в палисадник
дома третьего от рельсов,
где удачная помойка...

— Да и хуй с ней, — про собаку
промелькнуло у соседа,
ехал что со мной случайно
от Тюмени до Иркутска.
— Ёбнем, может быть, по пиву? -
так ко мне он обратился,
неожиданный Бианки.
— Ёбнем, отчего ж не ёбнуть.
Выбросивши сигареты,
мы с ним вместе затрусили
к привокзальному киоску,
незаметно для прохожих
завернув направо ноги
задние, которых нету,
но которые, конечно,
если б были, завернулись.
Взяли "туборга" два литра
и успели к отправленью.
И открыли, и под пиво
увлечённо драли воблу.
И поехали нормально,
и проснулись в Боготоле.

Поезд стыл, брехали псины,
проводница иззевалась.
Беспородная собака
прямо под окном купейным
вновь принюхивалась к лужам.
Но уже никто не вышел.

В КОВИД

Все ржавеет, как листья в осень, —
только нынче у нас весна.
Невъебенно год високосен.

Охуенна его война.

Поражательные детали,
незаметные, как шрапнель,
по пунктиру план начертали,
предусматривающий тоннель, —

тот, который ведёт в итоге
к неизвестности, за портал.
В моде точные эпилоги:
жил, старался, в финале хворал.

Ничего, казалось бы, нового —
всё так было и будет всегда.
Только время, как нитка суровая,
вырывает гуляй-города.

ПРАЗДНИЧНОЕ

Кончен бал, погасли свечи,
гости пьяные лежат.
Волки воют недалече,
в небе вороны кружат.

Месяц вышел из тумана,
испугался — и назад.
Две пружины из дивана
впились в отлежалый зад.

И портвейн, на пол пролитый,
кровью поутру застыл.
Где-то плачут сталактиты,
где-то плачет крокодил,

где-то плачет фининспектор,
где-то плачет олигарх,
плачет даже Правый сектор,
весь запутавшись в долгах.

Стон стоит над ойкуменой:
отчего зимой теплынь?
Климат поражён гангреной,
и взошла звезда Полынь.

Беззащитный, одинокий
в прах уходит старый год...
Люди пели в караоке,
попадая мимо нот.

И О ПРИРОДЕ

Псина лает, ветер носит,
буря мглою кроет кров.
Урожай заплодоносил,
вечер весело багров.
Птицы мечутся беспечно
над простором и вообще.
И дорогой безупречной
след Луны на Иртыше
указует в бесконечность,
что венчает Млечный Путь.
На песке лежит конечность
чья-то задняя. И пусть.
Где-то лошадь игогочет,
где-то клёны шелестят,
где-то мирно дремлет кочет,
где-то лунь сожрал утят,
где-то сом хвостом виляет,
где-то свищет соловей.

Как прекрасен мир бывает
без каких-то там людей.

ОДИН ЛИШЬ РАЗ

Душа стремилась летать свободно,
подобно птице.
Душа хотела быть беззаботной
античастицей.

Она парила, она искрилась,
была красивой.
Но предложение приключилось
на перспективу:

«Ты будешь выше летать, душа,
смелее, звонче.
Ты станешь чудо как хороша,
мой колокольчик.

Я подарю тебе новый мир,
сегодня ночью.
Один лишь раз шелохни эфир
вот в этой точке».

Античастица была легка,
не слыла кичливой:
«Вот здесь? Легко. Всё, пока-пока.
Бывай, счастливо».

Король частиц душу проводил
отцовским взглядом.
Монада двигалась средь могил,
паривших ядом.

Она привычно струила свет свой
античастичный
над Стиксом, новеньким путь домой
освещая лично.

Душа летела над переправой
чуть охромело.
И мир, конечно, качнулся вправо,
качнувшись влево.

***

Да скифы мы и где-то азиаты,
про то писал ещё, известно, Блок.
Нам Горбачёв и Ельцин — супостаты.
А Сталин — бог. И Путин тоже бог.

Традиции святого византийства
храним в груди, духовности полны.
Шаг вправо — пресечём детоубийство,
шаг влево — лижем руку сатаны.

Чтим память, ежегодно карнаваля
войну и всем обидчикам грозясь...
Деды свободу нам отвоевали,
а нам свобода нахуй не сдалась.

ПРЕДГРОЗОВОЕ

Лежит, потрескавшись, земля
на огороде.
Июль, в кармане три рубля.
Жизнь на природе
не терпит роскоши и трат -
не в ресторане.
Чего застыл в нирване, брат,
как иностранец?
Да ладно, тридцать пять в тени -
не минус сорок.
Сахарский климат искони
берберам дорог,
далеким всяческих валгалл.
Жираф там бродит,
изысканный, как мадригал.
Не стонет, вроде.

Так соберись же, тряпка, не
уподобляйся
унылой северной чухне,
не знавшей сальсы.
Ты сибиряк, такой расклад,
а это значит,
что не страшны ни зной, ни град
и ни Версаче
тебе. И пусть звенит жара
над огородом —
придут прохладные ветра,
что с кислородом.
И женщина к тебе придёт,
и денег в меру...
Молчи и веруй, рифмооплёт,
молчи и веруй.

ВРЕМЕНА ГОДА
Как ничтожно мельканье времён
года, если годов накопилось
столь, сколь многим уже не снилось.
Да и сам веришь в возраст, как в сон.

Майский жук превратился в жука
из события нескольких вёсен,
где он был то прекрасен, то грозен
то исследователен слегка.

Гром — не выпад волшебным жезлом.
Это просто явленье природы,
озонирование кислорода,
а не битва магистров со злом. .

Первый тонкий осенний ледок
не становится поводом к счастью
подкатиться подошвами к Насте
или к Сашке. Нет тех уже ног.

Лишь зима остаётся зимой:
тёмной, долгой, почти бесконечной,
но без зимних каникул беспечных.
И шампанское пахнет тоской.